

A woman with long, wavy brown hair is shown in profile, looking out of a window. She is wearing a teal-colored top with a dark, patterned neckline. The background outside the window shows a blue sky with white clouds. The image has a dark, moody atmosphere.

Катарина Мандрагора

СОЗВЕЗДИЕ
РУСКИРОВ

история одной девочки, выросшей
на грузовом флоте

Катарина Мандрагора Созвездие FuckУров. История одной девочки, выросшей на грузовом флоте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63499525

ИМ Призрачные Миры;

ISBN 978-5-0065-3946-4

Аннотация

«Очень и очень интересный автофикшн, ироничный, местами даже саркастичный, но при этом очень добрый, даже ламповый» – рецензия одного редактора на «Созвездие FuckУров».

Книга, которая местами перевернет ваше представление о нормальном и заставит воскликнуть «Неужели так тоже бывает?», а местами заставит посмеяться, поностальгировать, вспомнить себя настоящих.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Эпизод 0. Начало	9
ГЛАВА I. ДЕТСТВО	11
ГЛАВА II. ОТРОЧЕСТВО	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Созвездие Гускиров История одной девочки, выросшей на грузовом флоте

Катарина Мандрагора

© Катарина Мандрагора, 2025

ISBN 978-5-0065-3946-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Катарина Мандрагора
Созвездие Гускиров.
История одной девочки,
выросшей на грузовом флоте.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

– Катрин, а ты не думала написать книгу? Я бы почитала все твои обалденные истории!

– Катя, у Вас такая необычная подача, Вам надо написать книгу!

– Катюш, я зачитываюсь твоими постами и перечитываю их не по одному разу. Пиши книгу давай!

Окей.

Как скажете, книга – так книга.

Сначала я хотела написать нечто сложное и мозговыносящее в духе Уоллеса¹, то, что ломает четвёртую стену и открывает третий глаз. Но потом подумала, что будет слегка обидно, если вы закроете и выкинете к чёрту эту книгу после прочтения первой главы. Поэтому здесь не будет истории «успешного успеха», не будет уроков, как заякорить миллионера и раскрутить его на загс, не будет советов по раскрытию чакр и притяжению бабла.

Будет тривиальщина, но которую легко и (надеюсь) интересно читать.

Хочется верить, что каждый увидит здесь себя, поймёт

¹ Американский писатель

и проникнется.

Хотя за ваши чакры и третий глаз не отвечаю.

Вы спросите, кто я?

Да обычная женщина 30+ с немного нестандартной судьбой и вытекающим оттуда нестандартным мышлением. Последние несколько лет блогер и, скажем так, лайф-коуч, но не тот, который собирает залы замотивированных и отдавших пятьдесят тысяч за билет, втирая, как он поднялся со дна (как только собрал первый такой зал). А тот, кто жертвует предновогодним семейным вечером, чтобы утешить и направить на путь истинный клиентку, которую только что бросил муж. Более подробно моя личность, мировосприятие, положительные и отталкивающие стороны и психические отклонения (шучу) откроются после прочтения этой книги. Кто-то, возможно, отпишется от моего блога, кто-то перестанет дружить. Я (конечно же) поплачу и напьюсь с горя.

И напишу ещё одну книгу.

О чем эта книга?

Название говорит само за себя.

Факап (сленг, разговорное с английского fuck up) – провал, поражение, неудача.

Я хочу рассказать про свои провалы, ошибки, сложные и неправильные выборы, как я выходила из патовых ситуа-

ций. Как падала и вставала. Что осознавала и меняла в себе. Это история взросления одного вечного подростка и его ежедневное сражение со страшным «взрослым» миром. Естественно, вы никогда не научитесь на чужих ошибках, ни на моих, ни на чьих-то ещё, ни (скорее всего) даже на своих. Но эта книга как минимум заставит вас вспомнить себя, посмеяться, попереживать, возможно, пересмотреть навязанные ранее взгляды, изнанку привычных вещей, а ещё удивиться (и ещё раз удивиться).

Здесь будут встречаться нелитературные выражения, мои нудные мнения и некоторые аморальные поступки. И всё равно я рекомендую дать её вашим дочерям-подросткам вместо энциклопедии, чтобы они как минимум были готовы к тому, что их ждёт впереди.

Я даже не знаю, как оценить жанр того, с чем вы столкнётесь при прочтении. Потому что это и комедия, и трагедия, и драма, и криминальное чтиво, и бульварный роман в одном флаконе. Короче, жиза. Как она есть.

Книга автобиографична. Но где-то будет использована наглая ложь, ой, то есть различные художественные приёмы. Любые совпадения с реальными лицами неслучайны. В книге я ни к чему не призываю и ничего не навязываю. Просто делюсь личным. Местами чересчур личным.

Возможно, это своего рода исповедь.

Отпускать мне грешки или нет, вы решите в конце книги. А теперь сбегайте в ближайший супермаркет, купите лю-

бимого винца, налейте его в лучший бокал, свернитесь удобным калачиком на диване. И приятного погружения в мой сумасбродный мир!

Эпизод 0. Начало

Видавшая виды «Лада Приора» на самарских номерах без заднего бампера тормознула на заправке недалеко от Великого Новгорода.

3:43.

– Всё, больше так не могу. До Питера не доеду. Надо поспать. – Каштановая голова уткнулась лицом в жёсткий пластиковый руль.

Через три минуты она уже спала и даже не почувствовала, как чьи-то руки откинули назад водительское кресло и подложили ей под голову свитер.

На следующий день «Приора» неуверенно ехала по Невскому².

Наконец, найдя свободное парковочное место на одной из узких улочек, она остановилась. Наваленные сзади вещи, закрывающие обзор в зеркале заднего вида, покачнулись, но не упали.

– В «Макдональдс» хочется.

– Сейчас сбегая, поищу, вроде только что проезжали.

Никто и ничто меня здесь не ждало.

² Невский проспект Санкт-Петербурга

Начиналась новая глава моей жизни.

ГЛАВА I. ДЕТСТВО

Эпизод 1. Философ в мокрых колготах

В нашей семье было модно рожать на старости лет.

Моя мать была таким же вечным искателем себя, как и я. Она сменила ещё до моего рождения несколько профессий, успела выскочить один неудачный раз замуж и пожить, как сейчас говорят, себе в кайф. Злые соседки почёсывали языки и отыгрывались за свои неудачные судьбы:

– Любка, что ж ты не родишь-то никак? Уж старородка. Болеешь что ль чем? Ладно, можешь не говорить. И так видит весь «Маяк»³, тощая как скелет ходишь...

Но потом случилось неожиданное. Ей вдруг ударило в мягкое место поступить в медуниверситет. Это в тридцать-то лет (у нас оно семейное, говорю же). И поехала наша царевна в края дальние (Самару), где встретила прекрасного глубоко женатого на тот момент 37-летнего прынца. Встретила, влюбила в себя, да так, что он даже подал на развод, покидал порезанные первой женой вещи в чемодан и примчал к нашей царевне в соседний регион. Где через некоторое количество месяцев родилась я.

И с первых лет начала качать права, щедро подарив много

³ Район возле бумажной фабрики «Маяк» в Пензе

седых волос всем окружающим своими откровенными выходками.

В три года я залезала под письменный стол, закрывала выход пледом и сидела там, страдая от непонимания со стороны жестокого социума, считающего меня глупой и милой малышкой. В семь лет, пока все дети бегали, представляя из себя непонятную кучу из глобального всеразрушающего хаоса, я сидела, покачиваясь на качелях, в обнимку с блокнотом, где в стихах выражала свою ненависть к глупым детям и непонимающему социуму. В восемнадцать лет, сидя уже на чьей-то постсоветской кухне около холодильника «Полюс» в четыре утра, в то время как ровесники улучшали по углам демографическую ситуацию, пила чай, который нагло нарыла по шкафам, размышляла и не понимала, что я вообще там делаю.

Всё мое существование представляло из себя 56-летнего академика РАН⁴ в теле интровертного ребёнка. Родители как-то быстро поняли, что бороться и приучать насильно к принятым стандартам бесполезно. Поэтому общались наравне, спрашивали мой взгляд на проблемные ситуации и обсуждали их решения, ссоры и деньги в бюджете. Друзья семьи откровенно этого не понимали, потому что их воспитательная система была режимным объектом в абсолюте, где ребёнок имел прав и голоса чуть меньше, чем заключённый в карцере. Как вы понимаете, долго в друзьях семьи такие

⁴ Российская академия наук

люди не задерживались.

И вот я, из себя такая самодостаточная, не по годам смышлёная, столкнулась с первым своим провалом и стыдом к полутора годам. А именно – продолжала требовать материнскую грудь.

Прямо после плотного мясного обеда подходила уверенным шагом в колготках, смотрела ей в глаза и чётко говорила:

– Мама, дай грудь!

– Нет, ты уже взрослая и с зубами. Ходишь и говоришь отлично. Никто в твоём возрасте не подходит к матерям с такими требованиями! Тебе должно быть стыдно.

– Я сказала, дай грудь!

И демонстративно прудила в колготы. Хотя «лоточек знала на пятерку».

Ни воспитательные беседы, ни более воспитательный ремень, ни горчица и другие горькие субстанции, нанесённые на соски, не давали результата. Я смазывала несъедобное руками и делала свои грязные делишки. Отлично зная многие манипулятивные приёмы, как это получить.

Закончилось это тем, что около двух лет я, потеряв все границы, учинила такой спектакль с воплями и мокрыми штанами у кого-то в гостях. Присутствующие в комнате вопрошающе смотрели на мать, осуждая про себя её материнские навыки. Она сидела с багровым лицом и было видно,

что хочет в эту секунду впихнуть меня обратно, да так, чтобы больше не появлялась.

И тут я осознала, что такое влечение к материнской груди не нормальная фигня, ибо питательной ценности для меня оно уже не составляло, а соответственно перешло в разряд фетишей и больной созависимости. И в этом, конечно, было больше вины матери. Но все эти осуждающие взгляды, немые укоры и её багровое лицо впились в мой мозг.

Я прекратила истерику, сняла с себя мокрые колготы, сама достала из сумки сменные, надела, взяла мать за руку и с решимостью запойного алкоголика после реабилитации сказала:

– Я больше не буду. Хватит!

Реабилитировалась вполне красиво. После чего последовали даже восторженные возгласы и оды воспитательным методам. Мол, какой понимающий ребёнок растёт!

Но это были лишь «цветочки», и я благополучно продолжила позориться.

Эпизод 2. Жажда славы и отцовского ремня

Когда мне было четыре, в город с концертной программой приехал один известный на весь СНГ артист, муж одной более известной артистки. Как образцово-показательная семья, мы само собой пошли на это мероприятие, чтобы бы-

ло что знакомым на кухне рассказывать. И вот на припеве горячо любимой мной песни творческая душа не выдержала порыва, я вскочила с велюрового кресла бывшего Дворца пионеров и, проскользнув под ногами атлантов-охранников, вскарабкалась на сцену к офигевшему певцу. С высоты подмостков я видела то самое багровое лицо и нежелание этого лица показать какого-то вида, что это лично её чадо решило заявить о себе на весь город и сорвать выступление звезды.

Предчувствуя ягодицами близость провала и грядущее приближение к ним холодной стали отцовского армейского ремня, я не придумала ничего лучше, как схватить за руку недоумевающего певца. Он дал мне микрофон, естественно, я промычала в него мимо нот окончание припева, помахала залу рукой, театрально поклонилась, получила наигранный поцелуй в щёчку кумира миллионов и под бурные аплодисменты была отдана в руки смущённым родителям.

Угроза ремня миновала, потому что потом целую неделю меня узнавали на улицах.

Жажда славы не отпускала, и похожая история случилась, когда приехали куклы из передачи «Спокойной ночи, малыши!». Во время окончания программы, когда все вышли на поклон, я опять вскочила и понеслась к сцене, там подошла к Хрюше и страстно впиалась в его игрушечную морду. Зал заржал и зааплодировал стоя. Но дома люлей всё-таки получила за непродуманные выпады.

Получала и орала:

– Я его люблю! Я выйду замуж за Хрюшу! И вы меня не остановите! Он не кукла, он настоящий!

За Хрюшу замуж годами спустя вышла. Но не за того.

Эпизод 3. Отучение от воровства

Насколько я любила философствовать в одиночестве, настолько же сильно любила (и люблю) блокноты. Коллекционировать их вместе с открытками начала лет с четырёх, как только мать научила грамоте (у неё был пунктик на гениальном ребёнке, но что выросло – то выросло). Вместе с этой тягой меня ещё невероятно манили любые предметы уменьшенных размеров. Кто тут психиатры – напишите мне в директ, как называется эта патология.

И вот мне шесть. Я осталась ночевать у маминой подруги, у которой были две дочери, с которыми я, имея жёсткую социопатию, всё же смогла найти общий язык. Старшая из них накануне вечером похвалилась блокнотиком, который смастерила сама. Лучше бы она мне его не показывала.

Маленький. Крошечный. Блокнотик! Размером с коробок спичек, такой манящий и такой не мой.

О боги! Я не спала всю ночь, перед глазами стоял он и не давал покоя. И, хотя с пелёнок меня воспитывали исключительно как честного гражданина, я первый и последний раз в своей жизни пошла на воровство. Желание обла-

дать им, таким крошечным и таким блокнотиком, поглотило все моральные принципы.

Но, притащив домой «награбленное», ощутила невероятную тяжесть внезапно навалившейся совести. Следующая ночь опять была бессонной. В этот раз я видела перед глазами страдающую хозяйку блокнота и себя за прутьями решётки. «Воровка! Это же чужое! Верни!» – кричала во мне мораль и родительское воспитание.

– Мам, я тут... это... у Кати блокнотик ukrала. Он мне очень сильно понравился. А теперь хочу вернуть, – влетела я на кухню, где жарились блинчики, готовая к самым страшным пыткам.

– Ок, завтра пойдём к ним в гости, вернёшь! – абсолютно равнодушно ответила она.

Уже перед сном мама рассказала истории из своего детства, как стырила пупса с ванночкой у подружки, живущей по соседству, и тоже, не совладав с совестью, вернула. Генетика поражает своим могуществом.

На следующий день блокнот был подкинут, а его хозяйка даже не заметила пропажи.

Но больше ничего чужого без спроса я не брала, и даже ни одна жвачка не была украдена из магазинов.

Эпизод 4. Одна на качелях

Этот случай не относится к моим провалам, скорее упущение родителей, едва не закончившееся печально. Но всё же стоит его упомянуть как инструкцию реагирования в экстремальных ситуациях, особенно когда тебе нет семи, на улице поздний вечер и ты там одна.

Началось всё стандартно, мать уехала куда-то в другой город. Дела. Она часто так делала, оставляя меня то с бабушками-соседками, то с друзьями семьи, то вообще с какими-то странными людьми. Об этом я напишу в другой своей книге и называться она скорее всего будет «Как не надо воспитывать своего ребёнка».

Ну вот, мать уехала и оставила меня на этот раз под присмотром отца. Он замечательный человек с замечательной родословной, красивый и умный. Но был у него период непреодолимой зависимости от алкоголя. Нет, он не был запойным алкашом, каких мы привыкли видеть возле «наливаек». Нормальный ухоженный мужчина, предприниматель на тот момент, которому нельзя было пить, даже нюхать. Сразу терял самообладание, ценные вещи и... детей.

Мы гуляли с ним на детской площадке около подъезда, когда подошёл его знакомый и пригласил обмыть новый автомобиль. Отец сослался на занятость, мол, дитё выгуливаю, но знакомый был непреклонен и уговорил забежать к нему в гости на пару сек. Мне было приказано сидеть на качелях, никуда не уходить и ждать скорого возвращения ответственного родителя.

Но ожидание затянулось. Солнце скрылось за 5-этажными панельками, всех детей с площадки загнали по домам. Я продолжала раскачиваться и ждать, как верный Хатико. Живот сводило от голода. Попа затекла от холодной железяки. Становилось страшно, а фантазия рисовала ужасные картины, что папа больше не вернётся.

Вдали замаячила мужская фигура.

Нет, это не папа. Но, чёрт, фигура приближалась ко мне.

– А ты чего тут одна? Поздно же, – заботливо спросила фигура.

– Папу жду.

– А когда он обещал вернуться?

– Сказал, что сейчас придёт.

– Куда он пошёл, не сказал?

– В магазин.

– Конфеты любишь?

– Нет.

Мне рассказывали о маньяках, предупреждали, чем они заманивают, и учили, как реагировать.

– Как же так? Маленькая девочка и не любит конфеты?!

– У меня аллергия.

– Слушай, а «Дисней» смотришь? Какой твой любимый мультик?

Я понимала, что в хреновейшей ситуации. Но бежать было некуда. Орать опасно, только больше его спровоцирует. Подъезд закрыт, ключи все у отца, на улице ни души, кроме меня на качелях и этого подозрительного мужчины, допытывающего странными вопросами.

Вдруг из-за угла вывернула ещё одна мужская фигура. Это был тоже не отец. Но надо было что-то делать. Я соотнесла риски, что вряд ли в одном дворе в один момент окажутся два педофила.

– А вон папа идёт! – вскрикнула я вдруг, спрыгнула с качелей и понеслась в сторону этого человека.

Когда добежала до прохожего, обернулась. «Маньяка» след простыл.

Страх не ушёл, но, что делать дальше, я не знала. Отец не возвращался. Снова села на качели.

Стало совсем темно. На площадку падал свет фонарей.

Вдруг открылась дверь подъезда. Оттуда вышла наша соседка с угловой квартиры, бабушка Аня.

– Ты что это тут одна ночью делаешь? Отец-то где?

– Ушёл к другу, сказал ждать здесь.

– Когда ушёл-то? Я весь вечер поглядываю в окно, ты сидишь и сидишь.

– Давно ушёл.

– Всё понятно. Пошли ко мне, пока плохое не случилось.

Голодная, наверно?

Мы зашли в квартиру бабы Ани, она накормила меня щами с щавелевыми пирогами, налила кружку компота и уложила спать с собой. Совсем рано утром мы проснулись от криков под окнами.

По двору бегал отец, орал моё имя на весь район и хватался за голову. Заспанные люди стали выглядывать с балконов.

– Пусть помучается, дурак! – зло отреагировала баба Аня. – Совсем ополоумел, ребёнка на всю ночь оставил на улице! Незнамо что могло случиться!

Через несколько минут она сжалилась и выкрикнула в окно:

– Сашка! Хватит слёзы лить! У меня твоя дочь.

Он обнимал меня и плакал, просил прощения, благодарил бабу Аню, просил её и меня не рассказывать это матери. Мы обе понимали, что такой проступок грозит ему не только телесными увечьями, но и разводом.

Решили, что этот урок он запомнит и, по крайней мере, детей из-за алкоголя забывать не будет. Больше таких инцидентов не было. А я решила для себя, что нужна, наверно, в этом мире, раз он послал мне ангела-хранителя в лице того прохожего и соседки.

Матери рассказала об этом лишь много лет спустя, она сначала долго молчала, а потом сказала, что я молодец и спросила, что ещё она не знает. Люлей отец всё равно по-

лучил.

Эпизод 5. Первая любовь и проблемы, с ней связанные

Он жил на втором этаже, а я на четвёртом. У него были огромные голубые глаза, как у Элайджи Вуда (известный актёр), чёрные вьющиеся волосы, и звали его Данила. Даниле было пять.

Проходя около их квартиры, я всегда старалась остановиться на лестничной клетке, то сандалик поправить, то сползший носок. Специально тянула время, чтобы случайно столкнуться и лишний раз посмотреть в эти бездонные глаза. Но мне не везло.

Иногда его выводили на площадку в то же время, что и меня. Я изо всех сил бегала мимо него, «нечаянно» задевала скакалкой и мячом и даже надевала нарядное платье с розами, которое ненавидела.

Потом случилось чудо. Наши матери нашли общий язык на лавочке детской площадки. И мне довелось попасть в святую святых – комнату Данилы.

Это была перегороденная каморка в обычной однушке, с маленькой кроваткой, столом и заваленная мальчишескими игрушками. Он показал мне всех своих резиновых динозавров и коллекцию машинок. Мы сидели бок о бок на этой маленькой кроватке. Я мяла нашитые розы на своём платье и делала вид, что просто тащусь от динозавров.

Потом они пришли в гости к нам. Мамы напекли пирожков и дегустировали несколько видов ликёра из нашего мини-бара. Мы же клеили наклейки с животными в альбом, сидя под письменным столом.

Он находился так близко, с высунутым языком увлеченно пристраивал тигра на бумажные страницы, а я невероятно хотела прикоснуться к смешным кудряшкам. В итоге набралась смелости и поцеловала его в щёку. Он встрепенулся. Посмотрел на меня этими своими глазищами.

И спросил:

– Ты чего это?

– Да ничего.

И мы продолжили дальше молча клеить.

Только мне уже хотелось провалиться сквозь перекрытия четвёртого этажа.

Последний раз мы увиделись через полгода. Его мать торопливо забежала в нашу квартиру, держа за руку сынишку, что-то нашептала моей на ухо. И оставила Данилу у нас. С ночёвкой.

Моя страсть к тому времени подугасла, переключившись на цыганского мальчика из детсада «Ветерок». И я уже без особого восторга играла с Данилой посередине гостиной.

Мы сооружали шалаш. Он заметил в коридоре зонтик со снеговиками и предложил использовать его в качестве

крыши шалаша. Я была категорически против. Но он не послушал и начал бегать от меня по квартире, раскрыв зонт. В итоге споткнулся о табуретку, упал на него и сломал к чертям.

Я не придумала ничего лучше, чем отмудохать его остатками сломанного любимого зонта (со снеговиками!). А он в порыве драки сказал, что хочет на мне жениться, когда вырастет (видимо, парню нравились темпераментные дамы).

Закончилась мелодрама тем, что на следующее утро его забрали домой.

А я осталась с высокой температурой и подхваченной от него ветрянкой (о наличии которой нас, естественно, никто не предупредил). Сейчас напоминанием о той истории служит большая сексуальная родинка внизу живота, бывшая некогда «ветрянковым» шрамом.

Потом они переехали в другой район.

Я же сделала для себя выводы, что любовь приносит одни разочарования, сломанные вещи и высокую температуру с нарывающими фурункулами.

Эпизод 6. Битва за шкафы и Серёга

Напомню, что росла я в суровые 90-е.

Папа, едва почуяв запах перестройки, подался в предпри-

ниматели. Сначала возил обувь с фабрики под Пензой (мы уже жили тогда в другом регионе) и ходил со спортивной сумкой по офисам, где врождённым обаянием обувал (в прямом смысле этого слова) местных дам, а затем и их семьи.

Обувь была качественной. Отцовское обаяние безгранично.

И всё это в совокупности быстро подняло семейный бизнес вплоть до открытия мелкого магазинчика. Спустя два года появилась ещё точка с канцтоварами той самой пензенской фабрики, в районе которой когда-то жила моя мать.

Жили мы более чем неплохо, голод и разруху я видела лишь со стороны.

И естественно, учитывая время, нашлись желающие нас этого лишить.

Знакомая семьи натравила бритоголовых ребят в кожанках.

Одним солнечным субботним утром в квартире просто вышибли ногами дверь.

Мама жарила блинчики.

Она вышла в коридор, вытирая руки о фартук:

– А что так не вежливо, мои дорогие? Вы бы позвонили, я б открыла.

Они опешили. Она продолжила:

– Сначала поставьте дверь на место, потом поговорим.

У неё была редкая способность влиять на людей.

Бандиты ушли и вернулись с инструментом. Дверь починили.

Потом они долго сидели на кухне, что-то обсуждали и ели блины.

Вернулись ребята на следующий день с целью забрать два дубовых шкафа из гостиной вместе с китайским фарфором.

Я не смогла совладать с чувством несправедливости и кинулась с кулачками на одного из них, невысокого, но коренастого мужчину лет 35. Колотила его в кожанку и вопила:

– Это наши шкафы! Не отдам! Уходите!

Мама дёрнулась меня оттащить, но этот мужчина вдруг крикнул двум другим, которые уже вытаскивали второй шкаф:

– Андрюх, верни их на место!

– Серёг, ты чего? С дуба рухнул?

– Поставь, где стояли, я сказал! – рявкнул Серёга.

Он вывел парней на улицу, потом вернулся один.

– Смелая у тебя девка растёт, справедливая! – обратился он к матери. – Уважаю таких!

– Ну да, за словом в карман не лезет, – ответила она, прижимая меня к бедру. – Чаю будешь?

Двух других бритых ребят я больше не видела.

А Серёга зачастил к нам в гости.

Он рассказал, что прижал ту даму, которая натравила их на нас, что магазины и наше имущество теперь никто не тронет. Рассказал и свою тяжёлую судьбу, про мать и бросившего их рано отца, про детство на улице со шпаной, про первые приводы в милицию. Где и сколько сидел.

Я видела, что ему нравится моя мать. Но вёл он себя как истинный джентльмен.

Она отказывалась принимать его подарки и ухаживания.

Он продолжал захаживать и учил меня полезным жизненным навыкам: как есть и не чавкать, как пользоваться приборами, как проверить человека на ложь, как драться и отражать нападение преступника, как правильно вести себя на допросе и зоне...

Через год помог нам уехать ночью в Пензу, когда на семейный бизнес позарились более серьёзные ребята из другой группировки.

Не знаю, жив ли сейчас Серёга, но я до сих пор благодарна ему за уроки, которые не получишь ни в одном образовательном учреждении.

Эпизод 7. Куклы-убийцы и похлёбка бабы Раи

С детскими садами не сложилось.

Первой жертвой пал «Ветерок» после пары месяцев моего хождения туда через истерики, нежелание есть отвратительную еду, спать в обед и играть с глупыми детьми, которым лишь бы побегать, сшибая всё на своём пути, в том числе и меня.

Потом мать договорилась со своей знакомой и определила меня в блатную «Пчёлку», куда привозили мою любимую еду, разрешали не спать в обед, а ещё там были классные кабинки для игр а-ля «Парикмахерская», «Магазин», «Больница». Вроде бы кайфуй, избалованное дитя!

Но нет.

И в понтовой «Пчёлке» исчадие ада в лице меня нашло ряд минусов, которые были вынесены на семейный совет. Как ни странно, мне разрешили туда не ходить.

Так с садиками было покончено навсегда.

Мать не работала официально, но была постоянно занята своими проектами. Одним из них была борьба с нарастающей тогда среди молодёжи наркоманией. Она часто ездила на заседания в губернскую думу, выступала на радио, открывала лагерь для реабилитации, организовывала набег с представителями госорганов на дворцы наркоторговцев, моталась в другие города с теми же представителями госорганов. На многих таких мероприятиях я присутствовала, в том числе и под обстрелами из дворцов наркоторговцев

(говорю же, следующей будет книга «Как нельзя ни в коем, мать его, случае воспитывать своего ребёнка»). Эта фигня происходила частично из-за материнского синдрома гиперопеки, частично из-за того, что не с кем было меня оставить.

А тут ещё и категорический отказ от детсада, хоть убей.

Проблему решила баба Рая, живущая в нашем же доме, в другом крыле.

Родители ей скорее всего доплачивали за подработки няней, так как жила баба Рая крайне бедно. Ремонта в квартире не было давно, углы постоянно протекали, от низких температур и влажности поселилась плесень, мебель была максимально скромной, содержимое холодильника таким же. Но мне невероятно нравилось у неё оставаться.

Возможно, из-за того, что она сама всегда была на позитиве, бодрая такая пожилая женщина, приятная. А весь апофеоз заключался в том, что я – привередливое капризное брезгливое дитя, коему дома готовили отдельные блюда, просто до безумия полюбила суп, который попробовала у неё. Хотя суп – слишком громкое название. Похлёбка из воды, картошки и лука.

После возвращения матери сразу же потребовала этой похлёбки.

И она пошла за рецептом в другое крыло дома (господи, каким же я была отвратительным ребёнком). Вернулась, естественно, с круглыми глазами.

– То есть ты просишь меня сварить тебе суп просто из кар-

тошки и лука?

– Да.

– Без курочки? Без говядины?

– Да.

– Ты понимаешь, что баба Рая кушает это от нехватки средств?

– Да. Свари похлёбку, как у бабы Раи.

Никогда, слышите, никогда не идите на поводу у своих детей, иначе они сядут вам на шею и будут управлять до тех пор, пока не скинете их оттуда...

Вернёмся к бабе Рае.

Она в целом благоприятно повлияла на меня. Научила молиться перед сном.

Одну из молитв, кстати, читаю до сих пор каждый вечер.

При ней я всегда была ангелочком.

И она не понимала, почему родители предупреждали о некоторых моих закидонах.

Благодаря ей я поняла, что можно быть хорошим человеком вне зависимости от достатка. Что можно жить скромно и при этом качественно. И внутренние установки – основной показатель личности.

Спустя какое-то время мои капризы сошли на нет.

Естественно, не без влияния бабы Раи.

Меня никогда не оставляли дома одну.

Но тот день стал исключением. Родителям понадобилось срочно уехать до позднего вечера. Баба Рая гостила у внучки в соседнем городе. Поэтому решились на риск. Вроде бы взрослая и соображает, шесть лет всё-таки. Прочитали мораль. Строго-настрога запретили подходить к плите, спичкам, аптечке и острым предметам. Потом дверь захлопнулась. И я осталась одна.

В зазеркалье нашей квартиры.

Само собой, в первую очередь были проверены на наличие запретного все недоступные ранее шкафы и полки. Съеден припрятанный сундучок с конфетами. Исследована аптечка и презервативы (оттуда мозгов хватило ничего не есть).

Потом мне стало скучно.

Достала доску на ножках, усадила всех кукол по рядам, решив, что им обязательно надо преподать грамоту и сложение простых чисел.

Урок сначала шёл хорошо, куклы соблюдали тишину в классе и внимательно меня слушали.

Затем случилось это.

То ли сказалась интоксикация сладким, то ли виденные ранее ужастики.

Одна из кукол повернула голову и резко посмотрела на меня, сверкнув своими пустыми кукольными глазами. Я

подумала, что показалось и продолжила вести урок. Но кукла снова повернула голову в мою сторону.

Холодок прошёлся по корням волос.

Резко рванула в родительскую кровать, накрылась пледом, заткнула его со всех сторон и просидела так до прихода родителей.

Не успел повернуться ключ в замочной скважине, как я оказалась на шее матери и завопила:

– Выкиньте всех кукол! Сожгите их! Прямо сейчас!

– Что с тобой? – прохладная рука коснулась моего лба

– Они живые, они хотят меня убить! Знаешь как она на меня посмотрела? Нет, не знаешь. А она посмотрела. И шеей вертела! Уберите их всех из квартиры.

– Но ты же их любила...

– Да, а теперь они хотят меня убить.

Куклы были собраны в два больших мешка и вывезены в ближайший детский дом.

Я не плакала и не жалела.

С тех пор педиофобия пополнила и без того внушительный список, и ни одна кукла больше не делила со мной жилплощадь. Симпатия перекинулась на уменьшенные мягкие игрушки.

И да, той ночью меня увезли в реанимацию с передозом

сладкого.

Плюс фобия. Минус страсть к конфетам.

Сохранение баланса в мире.

Эпизод 8. Потребность в самостоятельности

Помимо философствований, изложения стихов в маленькие блокноты и ненависти к куклам во мне также преобладало непонятно откуда взявшееся стремление к спорту, точнее к гимнастике.

Выражалось оно в исполнении всевозможных пируэтов на ковре. Я скручивалась в какие-то невозможные фигуры. Но этого никто не замечал. Материнская потребность в гениальном ребёнке впихивала меня во всевозможные кружки, которые я не успевала посещать. Эстрадные танцы, музыкальная школа, художественная школа... Голова шла кругом, и ничего из этого особого восторга не вызывало.

А в трансляциях спортивных соревнований продолжала залипать на гимнастов и повторяла их рекорды на персидском ковре.

Очередным вечером, когда меня силками тащили в художку, я обратила внимание на стоявшую по дороге туда спортивную школу олимпийского резерва, табличка была крупной и сложно было её не заметить. Не могу вспомнить, почему сразу не высказала желания пойти туда, хотя, скорее всего, говорила, но получала категоричный отказ или игнор.

После этой находки в моей голове созрел план.
И я его осуществила.

Пока два часа шли занятия в художке, мать уходила по своим делам. То есть эти два часа меня никто не контролировал, кроме преподавателя живописи, которой ровным счётом было плевать, она отработывала свои положенные часы за копейки и только умела, что хаять наши работы (вот первопричина нелюбви к рисованию, которое некогда нравилось).

Я воспользовалась шансом, и как только красная юбка в пол исчезла за поворотом, ускользнула из класса будущих живописцев. Путь мой лежал, вы, наверно, догадались куда.

В спортивной школе пахло резиной и свежей краской. До сих пор эти ароматы вызывают у меня экстаз.

Я подошла к вахтёрше и спросила, есть ли у них секция гимнастики. Она ответила и отвела меня в тренерскую к невысокой худощавой женщине лет 55.

Женщина отставила в сторону фарфоровую чашечку и удивлённо вскинула тонкие брови.

– Здравсьте! Я хочу заниматься гимнастикой.

– Хорошо. А покажешь, что умеешь?

К этому моменту я готовилась все свои неполные шесть лет!

Тут же были продемонстрированы разученные из телека

элементы.

– Ого! Ты не занималась разве нигде до этого?

– Нет. Сама дома.

– Молодец. Приводи маму, запишем тебя в мою группу.

Как раз я набираю новеньких.

Чёрт! А это-то я не продумала.

Как сказать матери о несанкционированном побеге?

Провал был так близок.

Я вернулась к живописцам. Моего исчезновения никто не заметил.

В голове вертелись думы, а ягодицы опять предчувствовали приближение армейского ремня со звездой. «Меня похвалили и согласились взять в группу спортивной гимнастики! Здесь ни разу не хвалили, ни за один натюрморт, ни за один пейзаж. Ни даже за написанного с натуры кота на подоконнике!»

Всю дорогу до дома я молчала.

Дома тоже молчала.

– Ты не заболела? Квёлая какая-то весь вечер.

– Нет.

Папа включил новости. Там Хоркина боролась на чемпи-

онате за Россию, выделявая что-то нереальное для человеческого тела на брусьях...

– Мам, я хочу заниматься гимнастикой!

– Тебе хватает кружков.

– Брошу художку и фоно.

– Почему? У тебя вроде неплохо получается.

– Нет. Плохо! Очень плохо! А гимнастика хорошо! – лицо покраснело. В нос затекла солёная слеза.

– Окей, завтра сходим, разузнаем, есть ли у нас это.

– Я уже ходила. Меня берут...

– Что??!

Как вы понимаете, пришлось пойти на некоторые жертвы и провести аудиенцию с отцовским ремнём за первый опыт самостоятельности. Но в гимнастику меня определили.

Эпизод 9. Грязные дети и Колобок

Наверное, как у многих детей, с едой у меня дела обстояли не ахти.

Варёное мясо – фу. Макароны – фу. Суп – не царское это дело.

Плюс регулярные странные отравления свежими продуктами до «скорой» и капельниц.

Поэтому для повышения аппетита и улучшения пищеварения мне купили керамический набор посуды с героями сказки «Колобок»: чашку, супницу, тарелки, ложечку и вилку. Набор творил чудеса. Дела сразу пошли в гору. Из супницы с лисичкой сметался даже ненавистный куриный бульон. А количество вызовов «скорой» за месяц сократилось в несколько раз.

Но как-то я вернулась с прогулки раньше времени (отцу приспичило в туалет, поэтому променад оказался коротким) и увидела на кухне нелицеприятную картину: грязные, побирающиеся по квартирам дети сидели на моей любимой части обеденного стола и ели из моего любимого набора мою любимую пюрешку.

Не знаю, что побудило мать на этот поступок – чрезмерная жалость, материнские чувства к чужим детям или просто бытовая глупость. Но простить такое предательство я не смогла.

Мой, мать его, набор!

Ору и крикам не было конца.

Детей отец под шумок выпроводил за дверь, насыпав им вдогонку горсть конфет.

А мне устроили воспитательный сеанс:

– Ты понимаешь, что так себя ведут невоспитанные, избалованные ребята? Ты же не такая. Ты хорошая девочка. Такое поведение некрасиво и непозволительно.

– Да, понимаю, но это МОЙ НАБОР.

– Они бедные, им нечего кушать, неужели тебе жалко поделиться?

– Да не жалко мне ничего, но это МОЙ НАБОР!

– Что с ним могло случиться? Сейчас я отмою, и он так же будет твоим. Никто его у тебя не отнимает. Пусть хоть поедят из красивой посуды, у них очень тяжёлая жизнь, ты должна быть милосердной.

– Мама! А если они заразные?

– Нет, это же просто дети, котёнок! – Это вдвойне было странно слышать от человека с медицинским образованием.

– Я всё понимаю, но есть теперь из него не буду. Можешь им подарить.

Театрально вскинув голову, я встала из-за стола и хлопнула дверью.

Включила громко телевизор и села перед ним на ковре.

По телеку шёл репортаж о семьях, оказавшихся в крайней нищете. Журналистка показывала фотографии из альбомов этих людей, где они ещё счастливые и обеспеченные. Но потом предприятия развалились, зарплату задерживали по полгода или выплачивали произведённым товаром. Эти люди оказались в западне экономического кризиса. Бухгал-

теры и экономисты пошли мыть полы в подъездах и торговать сосисками на вокзалах. Их дети, осунувшиеся и голодные, в тряпье, что добрые люди дали, жевали засохшие горбушки хлеба.

Я смотрела и понимала, что дети не виноваты в проблемах страны. Что сама могу в любой момент оказаться на их месте и вместо йогуртов жевать сухие горбушки. Мне стало грустно и страшно.

Я видела всё происходившее в то нестабильное время, но отказывалась воспринимать, что больше половины страны оказались на грани. Не все смогли приспособиться, как мои родители, под перестройку. И дети реально не виноваты. Они просто хотят жить. И кушать.

– Мам, когда они ещё раз придут, отдай им мои лосины и этот свитер – вернулась я на кухню, где родители курили в форточку.

– Какая жалостливая муха тебя вдруг укусила?

– Жалко их. Но набор с колобком всё равно продезинфицируй...

Эпизод 10. У попугаев слабое сердце

С молодых ногтей во мне взращивали любовь и заботу к живой природе, запрещали кидать мусор где попало (поэтому сейчас я могу нести обёртку от мороженого два километра до ближайшей урны), запрещали кидаться камнями

в озёра с лягушками, запрещали пинать голубей.

Больше всего любовь к живому выразилась в кошках.

Сначала я их от большой любви таскала за хвосты, но получив шрам на пол-лица и едва не лишившись глаза, стала проявлять чувства чуть менее ярко.

Коты были у нас всегда, сколько помню, а потом родители притащили волнистого попугая.

Первого волнистого попугая.

Жил он с нами недолго, и летним солнечным днём вылетел на балкон, где мама вешала бельё, сел ей сначала на голову, а потом просто улетел и даже не обещал вернуться.

Мы потосковали, погоревали и завели второго.

Его судьба оказалась не менее трагичной.

Хотя он успел за свой короткий век даже очаровать американцев, которые приехали решать с матерью вопросы по новым методам лечения наркомании. И даже фото этого попугая вместе с моими, выпрошенными на память, сейчас хранятся в чьих-то пыльных альбомах на другом континенте.

До сих пор не могу простить себе этот провал. Хотя ни моей, ничьей вообще вины тут не было. Неудачное стечение обстоятельств.

Кеша (да, мы были неоригинальны в нейминге попугаев) был выпущен на променад по гостинной. Клетка осталась открытой. Здоровенный чёрный кот Барсик (в нейминге котов тоже) в то время прогуливался после сытного обеда мимо этой клетки, его клонило в сон, и он решил прикорнуть

именно в ней.

Кеша, нагулявшись, вернулся в свои хоромы.

Увидел мирно спящего там Барсика.

Маленькое птичье сердечко не выдержало выброса адреналина.

Кеша упал замертво.

Барсик ничего даже не понял.

Боже, как я горевала. Это было первое прямое столкновение со смертью питомца в моей жизни.

И ведь какая глупая дурацкая смерть. Ни кот, ни кто-то из нас не был виновен в этом. И от этого становилось ещё горше. Да, надо было предусмотреть, что у попугаев слабое сердце, и не пустить в клетку кота. Надо было закрыть эту чёртову дверцу. Или проверить хотя бы наличие кота в клетке перед возвращением попугая. Но никто и подумать об этом не мог: что просто увидит и просто так сильно испугается.

Глупая. Глупая кончина попугая со слабеньким сердцем.

Больше животных с коротким циклом жизни мы не заводили.

Эпизод 11. Учитель = божество в халате

Не знаю, как сейчас у детей, в наше время учителя приравнивались к небожителям. Мы не могли допустить и мысли, что они едят, ходят в туалет, выходят замуж, рожают де-

тей и испытывают стандартные людские проблемы.

Моя первая учительница, Екатерина Владимировна, была родной тёткой моего соседа по парте Сашки. И он-то привык её видеть во всём обычном человеческом воплощении тёти Кати, а я нет. Сашка не скрывал своих тёплых чувств к моему светлому образу и даже подарил плюшевую божью коровку. Просто так подарил, без повода.

К светлому же образу Екатерины Владимировны тёплые чувства испытывала я. В школу ходила как на праздник.

Она, 23-летняя девчонка, казалась мне идеальной взрослой женщиной, красивой и статной, серьёзной и самой умной на свете. Её уроки я слушала с открытым ртом, ответственно выполняла все поручения. И, естественно, мечтала стать ею, когда вырасту. Ну после собственной матери.

Екатерина Владимировна открыто симпатизировала мне как самой старательной и прилежной, выделяя на фоне других учеников. Даже собственного племянника Сашки.

И вот, когда нам срочно понадобилось в апреле уехать из города, мать забрала мои документы из школы, договорившись автоматически закрыть мне второй класс. Моя «любимая женщина» была в тот момент на больничном. И я ни в какую не захотела уезжать, с ней не попрощавшись.

Мы заехали в соседний район, вокруг стояли трёхэтажки с незакрывающимися дверями. Около этих трёхэтажек потрёпанного вида мужчины играли в нарды, сидя в трико и шлёпанцах на криво сколоченных лавках. Мы подня-

лись на последний этаж одного из таких одинаковых домов, утопающего в распутившихся цветах заброшенных яблонь. Дверь нам открыла худощавая заспанная девчонка в коротком халатике, с наспех собранным хвостиком на голове:

– Ой, Катюша, привет! – кинулась она меня обнимать.

По голосу я поняла, что это Екатерина Владимировна. Но не могла поверить своим глазам.

Шаблон в моей голове в тот момент больно трещал по швам.

– Проходите, я чайник вскипятила. Конфетки вкусные эти, угощайся.

Мы сидели на маленькой кухонке с высокими потолками, которая была похожа на футляр.

«Обалдеть! Я сижу в квартире МОЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ, вот так, как у себя дома, пью чай и ем её конфеты! Она в халате, с растрёпанными волосами, без макияжа и строгой причёски, такая вся домашняя, такая молодая, такая тёплая и родная...»

– Я буду по тебе скучать! Очень плохо, что вы уезжаете, надеялась тебя выпустить в 5 класс. Самая умненькая у меня. Сашка без тебя страдать будет. Он говорил мне по секрету, что влюблён. Вот мой почтовый адрес. Пиши письма. – Она обняла меня так крепко, что я почувствовала запах её крема для лица.

Мы ещё очень долго прощались, прямо в коридоре, требующем ремонта.

Она просила писать ей и не забывать.

Я писала. И не забывала. Ну первые года два точно.

ГЛАВА II. ОТРОЧЕСТВО

Эпизод 1. «Не ходите, дети, в Африку на болото гулять»

Той же ночью после слёзного прощания с Екатериной Владимировной мы приехали в Пензу, закрыв квартиру и забрав оттуда самое ценное и нужное, по мнению каждого члена семьи. Я – любимые игрушки, коллекцию открыток, блокнот с фломастерами и свой детский фотоальбом. Отец – несколько пар трусов, носков, брюк и рубашек. Мама – наши документы и два чемодана барахла.

Приехали в дом, в котором выросла моя мать с братьями и когда-то родилась я.

Это был типовой одноэтажный дом фабричного посёлка, разделённый с четырёх сторон на отдельные квартиры, к каждой квартире прилагался палисадник сотки на три, кто-то из соседей застроил его на манер коттеджа, у бабушки же там росли овощи, вишни, сливы, а спереди цвели пионы.

Я сидела вместе с младшей двоюродной сестрой на одной из вишен и уплетала только завязывающиеся на цветках плоды (они сладкие, поэтому мы их жрали, не дав созреть). Сидела на вишне и тосковала по нашей квартире, школе и учительнице.

– Катя, ура, приехала! Пойдём на стадион! – за забором стояла девочка Аня, с которой я дружила всякий раз, когда

приезжала гостить в Пензу.

Я забежала в дом, схватила два бутерброда с маслом и сахаром, поделилась одним с подружкой, ждущей меня за забором, и через несколько минут мы оказались на стадионе. Обычный районный стадион, вдоль которого с одной стороны текла заболоченная отходами фабрики речка и росли остатки некогда необъятной дубовой рощи, на месте которой построили район. С другой – была замороженная стройка, которая тоже подарила мне массу впечатлений и разодранных коленок.

На стадионе гоняли мяч местные мальчишки, на тот момент я никого из них не знала.

Мы с Аней уселись на то, что осталось от зрительских лавок, наблюдать за «матчем», но это нам быстро наскучило. Особого драйва в игре не наблюдалось, парни больше орали друг на друга и дрались, чем играли в «футбол».

– Слушай, а помнишь, когда ты приезжала в прошлый раз, мы на болото ходили, где еще Зорины живут? – вдруг предложила Аня – Там сейчас кувшинки распустились.

– Пойдём посмотрим.

Я всегда была лёгкая на подъём и жадная до приключений, люди этим пользовались, заманивая меня на весьма странные и опасные мероприятия.

Та самая заболоченная речка была длинной и огибала весь «Маяк» (сродни Неве в Питере), поэтому мы прошли на другой конец района, где она образовывала заводь, совсем по-

росшую тиной. Там под дубами стояли в ряды туалеты, те самые архаичные, с дыркой в полу. А за туалетами сохранились деревянные подгнившие мостки. Когда болото ещё было речкой, жительницы полоскали с этих мостков бельё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.